

Линь Шэнь чувствовал, что что-то не так: он не помнил, чтобы эта сцена была в сценарии.

— 003, эта сцена есть в сценарии?

003 внимательно изучил сюжетную линию мира и подтвердил:

— Нет, хост, действительно нет.

Линь Шэнь прищурился и с легким раздражением спросил:

— Это повлияет на сюжет?

— Вряд ли. Персонажи этого мира реальны, у них есть чувства, поэтому они не могут развиваться строго по сценарию, как роботы. Нам нужно лишь отыграть ключевые точки и не допустить ООС, — ответил 003.

Услышав это, Линь Шэнь успокоился.

Съемки фильма «Клетка» продолжались, несмотря на внешние помехи. За прошедшие дни Цзян Янь подписала контракт с компанией Линь Шэнь Энтертейнмент и попала под опеку руководства — в конце концов, это была воля самого наследника корпорации, и никто не осмеливался проявлять халатность. Сегодня у Линь Шэня были две самые важные сцены, после которых его работа над фильмом должна была завершиться.

Клетка — это не только тюрьма для женщин, это западня для тех, кто одержим ненавистью, и для тех, кто остался в живых.

Юный наследник павшей династии прошел через скитания и унижения, чтобы стать молодым канцлером, стоящим выше всех, кроме императора. Но теперь его план по возрождению страны раскрыт, он окружен врагами и предан всеми.

Чжоу Цзиван смотрел на юношу перед собой с такой яростью, словно готов был разорвать его на части. Он был обманут. Жажда ответов, он приказал страже уйти, оставив их наедине.

Глядя на сломленного юношу, он глухо спросил:

— Почему ты это сделал?

Ярость? У Ци Хуаня еще нашлись силы размышлять о том, почему Чжоу Цзиван злится. Злится на обман? Что ж, он имел на это право. Но какая разница? Их идеалы всегда были противоположны.

— Ни почему. Это то, чего я хотел всегда, — ответил он спокойно, с безразличием в голосе.

Чжоу Цзиван подумал: неужели он не боится? Или думает, что я пощажу его?

— Ты понимаешь, что это государственная измена?

— Измена? Это не моя страна! — спокойствие исчезло, покрасневшие уголки глаз выдавали внутреннюю бурю Ци Хуаня.

Чжоу Цзиван замер, глядя на налитые кровью глаза юноши.

— Почему ты все-таки это сделал? — это был вопрос, продиктованный одержимостью Чжоу Цзивана, ведь он считал этого юношу самым близким человеком, тем, кому доверял больше всех.

— Почему... почему... — забормотал юноша. — Чтобы уничтожить ваш императорский род! Чтобы вырезать всех вас, чьи руки по локоть в крови!

Чжоу Цзиван смотрел на него с неверием, как на безумца:

— Кто ты такой?

— Кто я? Я и сам почти забыл, кто я такой. — Под пристальным взглядом Чжоу Цзивана он едва не забыл цель своего выживания, но тот отвратительный император напомнил ему, что никто не спасет его. — Я Ци Сюаньхуань, наследник павшей династии Ци Сюань.

Чжоу Цзиван широко раскрыл глаза:

— Ци Сюаньхуань? Но ведь... — он не закончил фразу.

Все знали, что сотня членов императорской семьи погибла в той дворцовой резне, никто не выжил.

— Да, я должен был умереть тогда, — ответил юноша. — Но небо сжалилось надо мной, я выжил, и теперь я пришел за мстью.

— Значит, ты пришел мстить? В том числе и мне! — голос мужчины дрожал от отчаяния и самобичевания.

— Да! — твердо ответил Ци Хуань. — Я ненавижу ваш род Чжоу! Твой отец — лицемер и мерзавец, вы не пощадили даже женщин и детей! Кто из вас, Чжоу, не запятнал руки кровью моего народа? Разве вы не гордились тем, что убивали моих соплеменников?

Ци Хуань медленно поднялся. Юноша, некогда чистый и светлый, теперь был закован в кандалы ненависти, заперт в клетке мести, из которой не было выхода.

— Я терпел унижения только для того, чтобы через тебя уничтожить весь род Чжоу. Ты был лишь моей пешкой! — его голос звучал безразлично, словно он говорил о погоде, если не обращать внимания на кровь, пропитавшую его белые одежды.

— Ци Хуань, как ты посмел обмануть меня? — Чжоу Цзиван стиснул зубы. Теперь он ненавидел этого юношу, которого обещал защищать.

— А почему бы и нет? Кстати, ты ведь тоже из рода Чжоу. Мне следовало убить и тебя! — в голосе Ци Хуаня не осталось ничего, кроме ледяного безразличия.

Гнев Чжоу Цзивана внезапно утих. Он понял: юноша пытается спровоцировать его. Зачем? Он хочет умереть.

Но он не позволит ему уйти так легко. Чжоу Цзиван приказал страже схватить его и бросить в темницу под строгий надзор.

В сыром и темном подземелье, где когда-то сиял чистотой молодой канцлер, теперь осталась лишь окровавленная, полуразложившаяся тень. Тюремщики, заинтригованные личностью

бывшего сановника, подходили поглазеть на него.

Юноша сидел, опустив голову, неподвижный, как статуя в своих залитых кровью белых одеждах. Вдруг он поднял лицо — даже в своей беде он сохранял утонченную красоту. Тюремщики замерли: они никогда не видели никого прекраснее.

Ци Хуань растянул губы в слабой улыбке:

— Дайте мне, пожалуйста, глоток воды.

Тюремщики замялись: император запретил давать ему что-либо, но взгляд юноши был таким искренним, словно он действительно просто хотел пить. Подумав, что никто не узнает, если они заберут чашку сразу после того, как он выпьет, они кивнули и подали ему воду.

Он казался очень жаждущим, но рука дрогнула, и чашка с хрустом разбилась о пол.

Осколки разлетелись в стороны. Тюремщики вздрогнули, а Ци Хуань поднял взгляд, полный извинения:

— Простите, руки не держат. Не надо воды, оставьте меня.

Переглянувшись, тюремщики собрали осколки и поспешили уйти.

Юноша долго сидел в тишине, вспоминая свою жизнь — абсурдную и полную боли. Он молча подобрал острый осколок, прижал его к горлу и провел краем. Кровь хлынула, не останавливаясь. Дышать стало тяжело, сознание мутилось. Он лег на кровать, чувствуя, как уходит жизнь.

Оказалось, умереть так легко. Совсем не больно, только немного странно. Он попытался сказать что-то еще, но горло было перерезано. Он удивился своей силе: даже перед лицом смерти он нашел в себе силы пошутить и слабо улыбнуться.

В момент, когда глаза начали закрываться, он увидел отца и мать, новорожденную сестренку, нянюшку, что растила его, и дядю, который всегда забавлял его.

А напоследок он увидел Чжоу Цзивана, сидящего на троне и с улыбкой взирающего на мир.

Как хорошо.

— Снято! — раздался голос Хэ Чжоу.

Но все, кто погрузился в эту печальную сцену, не могли прийти в себя, глядя на Линь Шэня со слезами на глазах.

Линь Шэнь сел, вытирая грим, имитирующий кровь, как вдруг кто-то крепко обнял его. Слезы потекли на его грязную одежду. Линь Шэнь замер, глядя на макушку мужчины, уткнувшегося ему в плечо, и тихо рассмеялся:

— Чжоу Цзиван, для меня это освобождение.

Чжоу Ван поднял голову. В этот миг он казался самым Чжоу Цзиваном, а Линь Шэнь — Ци Хуанем, словно они встретились сквозь время и пространство. Чжоу Ван, наблюдая за самоубийством Ци Хуаня, почувствовал, как сердце разрывается: он так же не мог удержать

Линь Шэня, как Чжоу Цзиван не удержал Ци Хуаня, и в порыве бросился к нему.

Съемочная группа замерла. Казалось, они стали свидетелями трагедии двух людей, разошедшихся по разные стороны баррикад. Жизнь Ци Хуаня была слишком горькой. Кто-то тихо плакал, кто-то всхлипывал, отдавая дань памяти светлому юноше.

Через некоторое время Чжоу Ван отпустил Линь Шэня, потому что Хэ Чжоу уже не мог на это смотреть. Сам он ни разу так не обнимал Линь Шэня, и это зрелище его раздражало. Если бы сцена не была сыграна так гениально, он бы уже давно вмешался. Его самого до глубины души напугала сцена смерти, словно Линь Шэнь мог исчезнуть по-настоящему.

Увидев, что Линь Шэнь сидит живой и невредимый, он выдохнул и холодно прервал Чжоу Вана.

Съемки Линь Шэня были завершены. Хэ Чжоу поспешно вручил ему красный конверт и объявил, что вечером устраивает прощальный банкет. Линь Шэнь не смог отказать и согласился.

<http://bllate.org/book/21519/2207731>